

Феномен мистической поэзии в творчестве Иоанна Креста и Николая Клюева

Шашкова Анна Андреевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Обращаясь к творческому наследию замечательного русского поэта, вдохновителя «новокрестьянской поэзии» Н.А. Клюева (1884–1937), читатель сталкивается с рядом загадок, касающихся не только художественного воплощения и содержания его произведений, но, прежде всего, их необычного религиозно-мистического пафоса, ставящего поэта несколько отдельно от других представителей русского модернизма – его современников. «Я – посвященный от народа» [Клюев:391], «песнописец Николай», призванный «свидетельствовать нерукотворную Россию» [Клюев:684], – говорит о себе Клюев, и этим ощущением избранничества, своей особой миссии пронизано все его творчество, впитавшее в себя с точки зрения художественной формы черты всех основных поэтических направлений Серебряного века: символизма, акмеизма и авангардизма. Это побуждает исследователя искать новые подходы к анализу поэтического мира автора, одним из которых может быть осмысление его текстов в контексте феномена мистической поэзии. «Клюев принадлежит к редчайшему в мировой литературе разряду подлинных мистиков, сумевших воплотить свой сверхчувственный опыт в людской речи, самую природой предназначенной для иных целей, как Ангелус Силезиус, Святой Иоанн Испанский (San Juan de la Cruz) и лучшие из английских метафизиков XVII века: Джордж Херберт и Джон Воун» [Райс II: 84].

Можно предположить, что есть определенная связь между религиозным знанием (или опытом) и поэтической формой выражения этого «знания». Причину этого, вероятно, следует искать в самой природе поэзии. Ю.М. Лотман утверждает, что «стихотворение – сложно построенный смысл. Все его элементы – суть элементы смысловые, являются обозначениями определенного содержания» [Лотман:48]. И в той же работе ученый пишет, что «информативность текста в поэзии растет» по сравнению с прозаической речью и «небольшое по объему стихотворение может вместить информацию, недоступную для толстых томов нехудожественного текста» [Лотман:46]. Следовательно, кажется вполне логичным, что автор, испытывающий потребность передать некую сложную, потенциально неисчерпаемую информацию, некое сверхъестественное знание скорее обратится к поэтической форме в каком-либо ее виде.

Две наиболее влиятельные в мировой литературе традиции мистической поэзии – это традиция христианской мистики и традиция исламских суфиев. Говоря о христианстве, необходимо отметить, что на протяжении всей своей истории оно было необычайно тесно связано с поэтическим языком, находящим выражение как в чисто поэтических жанрах, так и в образцах «пограничных» текстов. Истоки этого феномена следует искать в комплексе текстов Св. Писания, переводы которых традиционно выполняются «свободным стихом». К поэтической форме обращались и отцы Церкви (Григорий Богослов, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, Дионисий Ареопагит, Аврелий Августин), и святые как западной, так и восточной традиций, и миряне, создавшие огромное количество песенных произведений.

Суфизм – исламское мистико-аскетическое течение – также оставил огромное поэтическое наследие, отразившееся в творчестве таких поэтов как Омар Хайям, Хафиз, Руми, Саади, Аттар. Характерной особенностью поэзии суфиев стало использование аллегории любовных взаимоотношений для выражения духовного пути человека к Богу, а также аллегории вина, «духовного опьянения». Заметим, что оба эти мотива близки и христианской мистической поэзии.

Одним из величайших христианских поэтов-мистиков был испанский святой Иоанн Креста (San Juan de la Cruz, 1542–1591). Центральный стержень его поэтики – «главенство коннотации» [Cuevas:26], которое достигается широким использованием принципов символизма. При этом «символ у святого Иоанна Креста – это не некий механизм,

переводящий жизненный опыт в словесные образы, а особенная форма восприятия таинственного» [Cuevas:27]. Неотъемлемая составляющая его поэзии – соединение реального (в т. ч. автобиографического) и мистического, ярким примером которого может послужить образ бегства из поэмы «Темная ночь души». Исследователи отмечают удивительную мелодичность его поэзии, достигаемую использованием разнообразных поэтических приемов. Излюбленный прием Иоанна Креста – создание образов с помощью антонимичных оппозиций и оксюморонов: «без жизни я живу», «и без опоры, и с опорой», «нежный ожог», «отрадная рана» и т. п. Опираясь на символику и метафорику библейских текстов и христианской поэзии, поэт привносит в свои произведения элементы народной, испанской и итальянской светской и суфийской поэтики. При этом он зачастую переосмысляет знакомые образы, поэтические формы и тропы, придавая им новую семантическую глубину. Все это делает небольшое по объему поэтическое наследие великого мистика неопределимым по значению для испанской и мировой литературы.

При том что Клюев, в отличие от Иоанна Креста, безусловно, был светским поэтом, в их творческой манере есть некоторое принципиальное сходство, а именно авторская установка на изображение первичной, а не вторичной (художественной) реальности. Для поэта-мистика сверхъестественное является не отвлеченной идеей и не поэтическим образом, а непосредственной данностью, об опыте достижения которой он и говорит в своих стихах. Главный «персонаж» поэзии Клюева – традиционный крестьянский мир («избяной рай»), который неразрывно связан с миром духовным, как бы насквозь им проникнут. Изба – это храм, сверхъестественные события занимают такое же место в жизни людей, как и быт. Мир универсален, в нем нет границы между реальным и ирреальным, человеческим и Божественным. То же встречаем и в поэзии Иоанна Креста, например, в поэме «Духовная песнь».

Одним из ведущих лейтмотивов лирики Клюева является лейтмотив живого и непосредственного общения человека и Бога. Клюеву в меньшей степени, чем большинству его современников и предшественников в русской литературе, близки темы поиска Бога, богооправдания или богоборчества. Своей целью он видит не поиск Бога, а путь к нему, именно это, на мой взгляд, является наиболее веским основанием возможности назвать Клюева поэтом-мистиком.

Литература

Клюев Н. Сердце единорога. СПб., 1999.

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 18–132.

Райс Э. Николай Клюев // Клюев Н. Сочинения: В 2 т. München, 1969.

Cuevas C. Introducción // San Juan de la Cruz. Poesía. Selección de prosa. Barcelona, 2002. P. 9–34.